

Девятнадцатый день перехода

сентябрь 1994

27

ВТОРНИК

«КВК» принимает Нептуна. Первая реальная работа «КВК» не состоялась пока. Опоры «АСК» сказать сумели: 4 «Марса» полетели! Звезды зажигать нужно!

27.09. 1994 г. Вторник. Курс – 142° ; $\varphi = 01^{\circ}22,5'N$; $\lambda = 11^{\circ} 01' W$; ветер –180°, $V=10м/с$; море-2 балла; $P=759,5мм рт.ст$; $T_{воз}= 25^{\circ}$; $T_{вод} = 28^{\circ}$; $V=12,5 миль$; $S = 275 миль$; $L= 4801,5 миль$. До берега Африки 1200 миль, глубина 5225 м.

Когда записываю эти цифры, то почти физически ощущаю свое место во Вселенной. Чувствую свою микроскопическую малость в мире и восторг от возможности ощутить в движении огромность нашей Земли и бесконечность мира. День выдался пасмурным, но без дождя.

Встал рано. Зарядка и бассейн по полной программе. Приготовил сценарий праздника, положил его в отдельную папку. Одежду и амуницию Нептуна (корона, трезубец, ожерелье с медалями, перстни) разложил на кровати. Достал бутылку со спиртом – стимулятор для свиты. Быстро позавтракал и поднялся на мостик. У Славы, вахтенного помощника, узнал время, когда будем пересекать экватор.

— А когда хотите, – ответил Слава. Солнца нет, и определяться, мы не можем. Да и какая разница? Капитан сказал, что в 12.00 остановить машину и ждать команду от вас, когда гудеть по поводу выхода Нептуна, то есть вас, из океанских вод.

Я попросил вахтенного помощника объявить по трансляции: прибыть в мою каюту указанных в списке главных действующих лиц праздника. Потом позвонил капитану и договорился о встрече. Роль его была очень важная, и оговорить наши действия во время открытия праздника необходимо. Тем более, эта встреча была нужна потому, что речь свою мастер не только не читал, но он еще и не видел её.

Мастер был одет уже празднично. Белые туфли, белые носки и выше все белое, отглаженное. Загорелое тело даже золотилось от этой белизны. Школа у него богатая. Быть лучше всех и впереди – первостепенное правило. Брать инициативу на себя, и чтобы окружающие принимали это беспрекословно – было вторым.

— Надеюсь, текст моего обращения к Нептуну вы принесли, – дружески обратился ко мне капитан, добавив к белому костюму белизну зубов и счастливую улыбку. Он сделал шаг навстречу и протянул руку. Мы пожали руки, и какое-то мгновение рассматривали друг друга. Правда, я выглядел рядом с ним, как водопроводчик в квартире интеллигента, который после ремонта крана собрался пройтись по набережной, показать себя и посмотреть на других.

Он снисходительно рассматривал мои расхлябанные сандалеты на босых ногах, застиранные шорты цвета пролитого на них кофе, футболку с выгоревшей на солнце чернотой и белой надписью «Дубай». Выражение лица подтверждало моё сравнение. Остановив взгляд на моих руках с текстом для него, он доброжелательно сказал:

— На празднике вы, конечно, будете в тоге и с короной, при трезубце. Я к вам приду вот в такой форме. Думаю, это вас достойно.

Он взял у меня текст, прочитал и одобрительно сказал:

— И не вспомню, когда последний раз был на экваторе, но уверяю вас, в стихах никогда не докладывал Нептуну. Буду старательно тренироваться, постараюсь не оконфузиться. Бокал для вас подготовил уже. Шампанское припас.

Все распоряжения по вахте дал. Будем в дрейфе, пока Нептун не покинет судно.

— Самое главное, когда будете говорить, не комментируйте текст, постарайтесь прочитать громко и четко. Для вас будет вычерчена мелом площадка,

вы на ней и стойте. Чертей я предупредил: белизну вашу не портить, беречь и чтить, – обратился я к мастеру.

— Я в курсе всех ваших хлопот. Все, что происходит на судне, капитан обязан знать, иначе курс не выбрать и не удержать, – говорил мастер убежденно. Желательно и помыслы заполучить вовремя.

— Ну, это как в анекдоте, вы позволите?

Мастер жестом предложил мне сесть, и сам опустился в кресло за столом.

— Вечер. Дорога на выезде из села. Машина на приличной скорости наезжает на выбежавшую курицу. Водитель остановился. Оглядывается. Никого. Подбирает курицу и кладет в багажник. Открывает дверь и хочет сесть в машину.

Из кустов выходит здоровенный мужик с колом в руках. Хмыкнул.

— И не пытайся утверждать, что повезешь её к ветеринару. Я все видел!

— Отличный анекдот. Хозяин курицы любил правду, – заметил капитан, поднялся и сказал:

— Как договорились, начало в 12.00. Текст поучу и вызову девочку приготовить дары для Нептуна, – сделал паузу, и продолжил:

— Воды у нас мало. Придется брать воду. Как-то тревожно. Много наших судов в портах стоят под арестом. У ЧМП совсем дела плохи. Могут и нам предъявить, что смогли накопать. Будем на рейде продукты брать. От воды, может быть, придется отказаться. Водолей дорого стоит, и держать нас будет. Продукты будем брать на ходу.

Разговора был трудный. Мрачные предположения и тревожные намёки. Вроде ничего не произошло, так, какие-то мелочи, на которые не стоит обращать внимания. Зачем он меня напрягает возможными неприятностями? Таким образом, подтверждает общность забот?

Может быть, и так, но впереди еще месяц перехода и заход в Кейптаун. Во всяком случае, в этом есть и мотивы солидарности.

Праздник начался со сдвигом на час из-за потери мною папки с текстом. Оставил в кресле в каюте, когда читал главным исполнителям. На поиски ушло полчаса, а нервов на полгода. Вся свита собралась на шлюпочной палубе у первой шлюпки. Старшему механику отдал видеокамеру. Он находился рядом с нами, но не снимал, так как пропало напряжение в нужных розетках, и электромеханик мотался в поисках его. Наконец, все утряслось, и процессия двинулась на корму под звуки марша в громкоговорителях и гудки тифона. Гудки давал сам старпом. Свита Нептуна: сброд сказочного морского отребья из чертей, пиратов, русалок, парикмахера, звездочета, попа, доктора и прочей публики. Они орали, как могли, гремели, чем владели, махали всем, что было в руках.

Конечно, напряжение в розетках появилось, когда Нептун взгромоздился на трон, а свита разместилась вокруг. Начало не записали. Злиться некогда, надо вести представление. Выход капитана прошел успешно. Он все сделал правильно и эмоционально. Комментарии по поводу предстоящей оплаты и возможных премий он не преминул озвучить. Начало прошло удачно.

И тут случилось то, чего я никак не ожидал. Предо мной появился шеф-повар со своими двумя буфетчицами, завернутыми только до пупка в белые обрезки простыней. Одна держала поднос с бутылкой, а вторая – поднос с закуской. Две трети сюжета были пропущены. Виктор Иванович отбарабанил текст без эмоций. Девочки, блистая ножками, поставили перед креслом свои дары, черти зыркали и заводились быстрее, чем я ожидал. Они бросились на них, прихватив часть даров.

Разбирать странички сюжета было некогда. Все пошло само собой. Я только стучал трезубцем и старался сохранить хотя бы последовательность ритуала. Как-то это удавалось. Девочки после объятий чертей, пиратов и процедур парикмахера и доктора превратились в замурзанных чертенят, которых под вопли и улюлюканье

подвели к чистилищу. От безнадежности уйти от судьбы, они добровольно полезли в эту трубу. Черты и пираты очень старались им помочь на выходе, у самой кромки бассейна.

Надо отдать должное, хулиганских выходов не было. Их аккуратно опустили в купель, дали по штофу нептуновского эликсира и на самом заднем месте поставили печать, удостоверяющую переход ими экватора.

После них пошли все остальные, некрещеные.

Вроде было смешно, весело, но витал какой-то дух обреченности и ненужности этого. Ветераны, кто имел грамоты, отработывали ритуал, кто был зрителями, могли немного выпить и покуражиться. А кто впервые, получили на всю жизнь эмоциональное впечатление и документ о пребывании на экваторе.

Все знали, что экипаж распадется, история судна заканчивается, и передавать свои традиции, свои байки будет уже некому. Да и экипаж-то был сборный, с судьбой судна почти никак не связанный: просто перегонщики. В празднике были и сюжет, и хохмы, и смех, но не было духа морской семьи, не было атмосферы братства. Витал дух неустроенности и неопределенности целей перестройки и реформ.

Но праздник шел своим чередом. Кому положено, были крещены Нептуном и с помощью чертей и свиты прошли все превратности посвящения в покорителей экватора. Потом был хороший обед и, конечно, посиделки в каютах. Я попал в каюту подшкипера. Практически тут собрались основные исполнители. Пожарный помощник принес гармошку. Даже доктор пытался петь и плясать. Гармонь вела нас по русским и цыганским песням. Выступить старался каждый. День подходил к концу. Постепенно все потянулись к своим каютам. Усталость делала свое дело.

«Космонавту Владимиру Комарову» предстояло еще один раз пересечь экватор в Индийском океане, но уже с юга на север, и без праздника. А пока он шел к мысу Доброй Надежды безо всякой надежды.

Да! Судьба судна уже была решена. Теперь стояла задача без конфликтов передать судно и получить деньги. Слишком много ходило баек о том, что арабские и индийские покупатели не раз надували российских предпринимателей, придираясь к отступлениям от договора, начиная от сроков и кончая пропажей механизмов, которые, по их утверждению, должны были находиться на судне. Конфликты, как правило, тянулись долго. Покупатель заявлял об отказе от сделки, деньги и продукты таяли. Новый покупатель появлялся в самый критический момент и, конечно, цена значительно уменьшалась. Покупатели, как правило, пользовались юридической безграмотностью отдельных русских дельцов, стремлением некоторых обманным путем получить личную выгоду, и устраивали различные юридические ловушки.

Были случаи аварий и катастроф, когда судно, попав в штормовые условия, не выдерживало напора стихии и тонуло. Бывали очень серьезные поломки, требующие больших затрат. Все это висело над нами и заставляло постоянно думать о возможных неприятностях. Каждый день приходилось проверять пройденный путь. Мы должны были прибыть в Бхавнагар до 25 октября, предъявить судно на ходу и иметь запас топлива, необходимый для выброса на берег — «бичинга».

Навигационные системы и средства связи должны были быть в исправности. А нам еще предстоял долгий переход. На сегодняшний день пройдено всего 5109 миль из 12 400 миль. Появление непривычного шума, изменение цвета выхлопа из трубы, малейшая суета, моментально настораживали, а ночью прерывали сон.

Заканчивался 18 день перехода. В иллюминаторах чернота. Ни звезд, ни огонька. Только блики палубных огней на убегающей пене и шум воды у борта. Усталость и выпитое спиртное расслабили мышцы и выключили большую часть

полушарий. Мелодия из приемника в исполнении «Бони-М» приглашали в страну сновидений. Последняя мысль была: — А мастер и не позвонил.

Утром, 27-го встал в 06.00. Еще в полудреме утреннего сна появилось беспокойство за что-то незаконченное, незавершенное. Даже утренняя прохлада, отступившая влажность и духота не помогли утренним сновидениям освободиться от этого чувства. Приемник мурлыкал какие-то африканские мелодии, наполненные барабанами и саксофонами. Ритм их совпадал с ритмом слов, которые печатались в моих полусонных полушариях:

— Ты забыл, ты забыл, ты дневник не завершил. Ну, что-то такое было.

Умылся. Зарядку отложил по причине похмельного синдрома и спутницы его — лени. Грех свой решил покрыть насилием над собой — заполнить дневник, что и сделал.

27.09.1967 г. НИС «КВК». НЭ — Поздняков. КМ — Матюхин. Атлантический океан. Куба. Гавана.

Ничего интересного не было.

О. Расторгуев.

Здесь я должен рассказать, как представитель измерительных комплексов, об этом дне. Для Расторгуева, как связиста он был заполнен повседневными работами не связанными с космосом.

«В этот день мы готовились к первой работе по «Зонду» (объекту Л-1) за № 4. По имеющейся шифровке старт должен был быть в 01.12.00(ДМВ) 28.09. В Гаване было еще 17.12.00 27.09. «Зонд» должен был появиться в нашей зоне через 2 ч. В это время с ним должен работать НИП-16 Евпатория, а мы только на прием. Первый сеанс с приёмом реального сигнала очень важен для нас. Надеялись увидеть его и почувствовать комплекс «Кретон» в реальном сеансе связи. Пока работали по сигналу от имитатора или по шумам Солнца, когда проверяли пеленгационную характеристику и измеряли шумовую температуру приемного тракта. Иногда нам давали работать с «Молнией-1» на частоте командной радиолинии. Она аналогична комплексу «Кретон».

День был очень напряженным. Все судовые службы тщательно готовили системы и механизмы, обеспечивающие работу измерительных средств. На 15.00 местного времени объявлялась готовность 4 ч для всех средств. Была усилена вахта бдительности. Во время специальных работ её несли члены экипажа. По каждому борту дежурили по два человека. К этому времени связисты Ельяшевича организовали 4 канала КВ связи с Москвой. Оперативная группа разворачивала свои рабочие места на средствах телеметрии и в пункте управления комплексом «Кретон». Группа привязки и навигационный комплекс «СОЖ» определяли координаты судна.

Дел было много, только Олег Семенович не решился тогда нарушить запрет на любую писанину по теме наших работ. До 18.00 местного времени мы были в напряжении. Ждали первую весточку о времени запуска. По нему мы могли провести корректировку полученных целеуказаний.

В 17.00 начался второй обед. Все руководство собралось в кают-компании. Дружно стучали ложками, обменивались новостями из газет, привезённых из посольства, судовыми событиями и одесскими хохмами. Второй помощник капитана объявил:

— Кто первым увидит радиосигнал «Зонда», получит красивый и вкусный торт от шеф-повара Голищенко, а от докторов — настоящий медицинский зонд. По окончании каждого рабочего сеанса, артелка «Тор-Фор-Пер» (пятый помощник и его

правая и левая руки Торжинский, Формагей и Пермяков) будут продавать безалкогольные напитки со скидкой. Отличившиеся во время работы обслуживаются вне очереди. И тут же последовали комментарии. Артелка работать будет, но на скидки пока идут прикидки.

В кают-компании сидели, пока не пришли начальник экспедиции и руководитель оперативной группы. Народ сразу замолчал. Поздняков пожелал приятного аппетита и прошел на свое место. Прозвучало оно, как спокойной ночи. Юмашев сел за стол оперативной группы и сосредоточился на содержании тарелки. Слышны были шумы вентиляции и позвякивание стаканов из посудомойки.

Было известно о получении шифровки. Юра Кузнецов - шифровальщик, с папкой ожидал Позднякова возле 92-й каюты. Когда ждали важных сообщений, за шифровальщиками наблюдали пристально. По его лицу, поведению и другим признакам формировались первые слухи о полученной информации.

— Илья Никитович, ночью будем кормить дежурные смены или камбузу дать отбой? – спросил капитан.

Поздняков наполнил тарелку борщом, опустил половник в супницу, поднял глаза, осмотрел все столы и, остановившись на капитане, сказал разочарованно:

— Пришла телеграмма, Адольф Васильевич, с командой – «отбой всем средствам», вот так. Теперь будем ждать до ноября.

— Ну, что ж, завтра пойдем на митинг. Фидель Кастро будет выступать. Это ответ Кубы странам ОАГ, которым не нравится современная Куба. Интересно будет посмотреть и послушать, – спокойно ответил капитан.

Это было первое разочарование и начало пребывания в неизвестности предстоящего».

О. Павленко.

27.09.68 г. НИС «КВК» НЭ – Поздняков. КМ – Матюхин. Атлантический океан. Куба. Гавана

«Пишу отчеты по работе антенного комплекса и передающих устройств. Зам. по измерениям Дымов посоветовал оформить отчет по горячим следам. У меня сгорел волновод, да и с ЦУ не все нормально. Расход ЗИПа по волноводам большой. Но это пока не очень тревожно. Завтра, наверное, пойдем в Сьенфуэгос. Ждем, когда дадут заход. Уже хочется в море. Воздух там чистый. Запахи от горячей свалки при ветре с берега просто душат, хоть проси противогаз. Может, сегодня привезут почту. Писем из Симферополя нет, телеграммы приходят редко. Что там дома делается? С мая 1967 г. по сегодняшний день я виделся с семьей всего 35 дней, а прошло за это время год и четыре месяца. Ничего себе!

Собираемся на посиделки. Все веселее. Конечно, не без «профилактического напитка». Что-то от промывки и протирки остаётся. Самые интересные посиделки – после профилактики. Но не это главное. В нашей компании подобралась очень контрастная компания. Алик Шевченко в этот рейс пошел уже старшим помощником, это энциклопедия мудрых цитат. Он готовился в капитаны и поэтому инициировал вопросы руководства коллективами и взаимоотношениями руководителя и подчинённого.

«От всех юношей и девушек можно ждать, что угодно — в этом социальная ценность юности». Или «Малолитражка – это застолье людей, берегущих свое здоровье» Так он объяснял свое предложение провести очередные посиделки по малолитражной схеме.

«Чтобы сделать открытие, как минимум, надо иметь штопор» — так он говорил, когда мы рассуждали о том, что на наших судах можно двигать науку. Потом чисто по-одесски добавлял:

— Послушайте, что говорили такие умные люди, как свободный человек академик Павлов:

«Большого напряжения и великой страсти требует наука от человека. Будьте страстны в вашей работе и в ваших исканиях».

И вот теперь я понимаю, что Алик излагал нам каноны, по которым жил, но мы не очень тогда торопились входить в науку. А он сумел на наших судах набрать материал для диссертации по навигации и защитил ее 1978 г. Однажды он принес выписку из английской энциклопедии. Алексей хорошо владел английским языком. Это была выдержка из речи Черчилля в палате лордов 29.12.1951 г. по случаю восьмидесятилетия И.В. Сталина. Конечно, мы ее прочитать нигде не могли и слушали с интересом. После разоблачения Хрущевым культа личности Сталина оценка, данная зачинателем холодной войны, нас очень удивила.

Был бурный разговор. Мысль Черчилля – «Большим счастьем для России было то, что в годы тяжелых испытаний Россию возглавил гений и полководец И.В. Сталин. Он был вдающейся личностью, импонирующей нашему жесткому периоду времени, в котором протекала его жизнь» – вызвала горячие споры. Леша Маслов, наш секретарь партийной организации, всегда говорил о недостатках резко и эмоционально. Он заявил примерно так:

— Сталин так напугал Черчилля, что, встав при его появлении на Ялтинской конференции, он больше и не сел, даже армянский коньяк пил стоя. Англии бы такое счастье. От страха такие мысли.

Почти все мы высказались за то, что победы деспота возможны, но победители нормальной жизни не имели и не получили.

А чего стоили рассказы Кости Бычкова о пылкости чувств и романтике курсантской жизни. Костя был наделен полями любовной энергетики, которую наиболее концентрированно излучали его изумрудные глаза. Лицо ему Бог создал по подобию повзрослевшего амура. Когда он был в компании, то сразу становился центром притяжения. Однажды он два вечера рассказывал, как по воле служебных обязанностей старшины роты был делегирован к одной очень известной актрисе для сопровождения ее в училище, где она пообещала дать шефский концерт. Актриса была еще на конечном этапе расцвета, и молодой старшина околдовал ее амурными чарами. Как он рассказывал, ему пришлось несколько раз ездить к ней домой и сопровождать в училище на концерты, на которых с удовольствием выступала. Начальник курса понял, что старшина роты перестарался и закрыл сезон концертов. Костя с благодарностью вспоминал начальника курса и так красочно рассказывал свои эстрадные похождения, что мы советовали написать что-нибудь для пополнения библиотек. Творческие данные у него были. Кроме литературных наклонностей, он неплохо пел.

Леша Маслов – потенциальный руководитель, с четкой позицией в жизненных вопросах. Не зря был секретарем нашей партийной организации. Очень старался построить жизнь коллектива в рамках морального кодекса строителя коммунизма, хотя в возможности этого порой сомневался. Спорил горячо, уступал редко, но открыто и честно.

В наших посиделках принимали участие Юра Плаксин, Коля Лузиков, Олег Расторгуев, Иван Комарьков, Витя Азовцев, второй помощник Лева Новиков и наши доктора. К докторам ходили все. Посиделки в медпункте всегда были тематическими и только под кофе. Чаще всего они проходили в 10.00 судового времени под лозунгом полезности утреннего кофе. О моих товарищах и друзьях постараюсь рассказать и дальше. Если не найду в дневниках и документах того времени, то обязательно что-нибудь вспомню».

О. Павленко.

27.09. 1973 г. НИС «Академик Сергей Королев». НЭ – Поздняков. КМ – Борисов. Атлантический океан. Ньюфаундлендская банка. Район острова Сейбл. $\varphi = 44^{\circ} 20' N$ 24° , $\lambda = 60^{\circ} 28' 42'' W$.

«Утром «Маяк» сообщил о выводе на орбиту космического корабля «Союз-12». Командир корабля В.Г. Лазарев, борт инженер О.Г. Макаров. Старт был в 15.18.16 (ДМВ). Значит, наша работа состоится через 7 ч 30 мин в 23.00, когда начнется наша зона видимости. В Союзе, раньше, эту зону называли «глухой». Озвучивал ее впервые НИС «Космонавт Владимир Комаров» 18 октября 1969 г., создав радиомост между «Союзом-8» и ЦУПом, через спутник связи «Молния-1». Командир «Союза-8» Шаталов провел переговоры с генералом Каманиным, который находился в ЦУПе, на НИП-16, Евпатория. С этого дня НИСы космического флота обеспечивали связь с пилотируемыми кораблями из, так называемого, района «глухих» витков.

«Королев» в свой первый рейс работал с «Союзом-10», «Союзом-11» и первой в мире долговременной орбитальной станцией «Салют». НИС выполнил поставленные задачи полностью, но оба полета были неудачными. Экипаж «Союза-10» не смог посетить станцию, так как стыковка была неполной. Корабль стыковался, но автоматика не довела до посадочного места стыковочные узлы, и люк открыть было нельзя. Стыковка происходила 24 апреля на первом суточном (17-м) витке над территорией СССР. В зону видимости «Королева» орбитальный комплекс пришел на 23 витке в аварийном состоянии. Причины неполного стягивания объектов и отказ системы стыковки реагировать на команды управления были неясны. Связь с «Союзом-10» могла осуществляться только через НИС «Академик Сергей Королев». Все 6 витков ЦУП через «АСК» пытался найти пути устранения неисправности.

Жизнь «АСК» в космонавтике начиналась так же сложно, как и у С.П. Королева. Первый рейс был наполнен сложнейшими испытаниями коллективов экспедиции и экипажа, которые должны были научиться надёжно обеспечивать работу радиотехнических и вычислительных комплексов, обеспечивающих систем и судовых механизмов на космос. От комплекса «Мезон» требовались качественная телеметрия и безупречная работа командной радиолинии, от станции «Аврора» – надежная связь с экипажем Шаталова и непрерывная связь НИС – ЦУП через комплекс спутниковой связи «Румб». Задачи экипажа – безопасность плавания, точность определения места судна, обеспечение энергией и климатическими условиями специальной техники, создание комфортных условий работы и отдыха для всего коллектива. Все это надо было делать людям, собранным перед выходом в рейс, на НИСе еще пахнущем, заводской краской и наполненным новыми механизмами, устройствами и системами.

Они справились. Все шесть витков в «глухой» зоне принимали телеметрическую информацию, по командной радиолинии запускали тестовые проверки на борту станции, обеспечивали переговоры космонавтов с ЦУПом, когда космонавты по своей инициативе выполняли целую серию прыжков для раскачивания «Союза-10». Таким способом они пытались разблокировать стыковочный штырь. Станция «Аврора» была в дежурном режиме, готовая принять информацию или выдать при необходимости сигнал побудки. Через НИС была выдана команда на повторное включение программы на расстыковку из ЦУПа. Команда прошла. «Союз-10» освободился. Аварийная ситуация ликвидирована. Космический корабль перешел к программе посадки. 25 апреля 1971 г. «Союз-10» благополучно приземлился. О несостоявшейся стыковке в средствах массовой информации ничего не было. Как всегда, программа выполнена полностью.

Шаталову и Елисею ордена Ленина а Рукавишникову звание Героя Советского Союза.

Полет «Союза-11» 30 июня 1971 г закончился трагически гибелью космонавтов Добровольского, Волкова и Пацаева при посадке.

Второй рейс в 1972 г. прошел без работ. Попытки запустить новые ДОСы заканчивались либо аварией РН 29.07.1972 г. ДОС № 2, либо авариями на объектах – 03.04.1973 г. «Салют-2» (Алмаз). И работы, для которой был построен «Академик Сергей Королев» и «Космонавт Юрий Гагарин» по программе Н1-Л3 пока никак не могут перейти в стадию летных испытаний. Четвертый пуск РН Н-1 27.11.1972 г., как и предыдущие 3, закончился аварией, уже на 107 сек.

В эти годы начали публиковаться различные материалы о Сергее Павловиче Королеве. На экраны страны вышел фильм «Укрощение огня», главный герой которого, несомненно, рассказал нам о характере Сергея Павловича, о его преданности делу космонавтики, о том, что он не отступал перед проблемами и трудностями. Это был первый фильм, рассказавший правдиво о многих сторонах создания и развития космонавтики. И я уверен, что напутствие Нины Ивановны Королевой и космонавтов Волкова и Быковского при подъеме Государственного флага на НИС «АСК» в 1970 г. - сформировало у экспедиции и экипажа главную черту королевского характера – целеустремленность. Имя на борту судна обязывало быть такими. К третьему рейсу они готовились тщательно, понимая, что самое главное выполнить безупречно предстоящие работы.

«Королев» вышел в третий рейс 26.05.1973 г. после запуск очередного ДОС за № 3 11.05.1973 г. На первых витках из-за отказа системы ориентации было выработано все топливо для ее двигателей ориентации. Объект получил название «Космос-557» и бесполезно болтался на орбите. И снова мы остались без работы, а Страна Советов без основного космического козыря – долговременной орбитальной станции, единственного на то время успеха в космическом противостоянии США после нашего проигрыша в лунной гонке.

Американцы 14.05.1973 г. запустили долговременную орбитальную станцию «Скайлэб» – (небесная лаборатория), созданной на базе третьей ступени РН «Сатурн-5» и корабля «Аполлон» без ЛК (лунной кабины). Это был их ответ на наш «Салют». Станция вышла на орбиту тоже с неисправностями. Не раскрылись солнечные батареи и потеряна метеорная защита корпуса станции. Накануне нашего выхода 25.05.1973 г. американцы запустили КК «Аполлон» с экспедицией из 3-х астронавтов. Они должны восстановить работоспособность «Скайлэба». По «голосу» передали, что на 27.05.1973 г. неисправности устранены и экипаж приступил к расконсервации станции. Они будут работать, хотя им пришлось сделать 10 попыток, чтобы осуществить стыковку. Они будут работать с первого раза.

Как сказал позже Михаил Клыков – начальник ОГ по «Союзу-12»: Опять мы забежали вперед задом наперед. Конечно, настроение было невеселое. На счету у «АСК» было всего две работы «Салют» – «Союз-10» и «Салют» – «Союз-11», с очень печальным результатом.

Без реальной работы, как показал предыдущий рейс, пребывание 6 месяцев в отрыве от дома превращается в тяжелейшие испытания каждого члена коллектива и коллектива в целом. Весь второй рейс – это непрерывное ожидание работы, постоянные тренировки, профилактика техники, командирская учеба, политические занятия, партийно-политическая работа, профсоюзные мероприятия, организация досуга, – были содержанием наше повседневной жизни. Не было только завершающей фазы – реальной работы, подводящей итоги наших целенаправленных усилий. И в этой обстановке немалую роль в поддержании королевского духа, играли разговоры на посиделках и плановых беседах-информациях о том, сколько

надо было проявить терпения и упорства при первых попытках хотя бы попасть в Луну, а потом и сфотографировать ее обратную сторону.

Хорошим подспорьем были рассказы участников первых рейсов ПИПов «Краснодар», «Ильичевск» и «Долинск». Воспоминания о первых пусках «Марсов», «Венер», «Востоков», «Восходов», «Зенитов» и «Молний» и работах по второму старту в тропиках Атлантического океана. Как преодолевали тяжелейшие климатические и погодные условия без кондиционеров и устойчивой связи.

Сколько надо было терпения и настойчивости ходить в океан, начиная с 1963 г. И только после 13-го пуска объекта Е-6 отпраздновать 31.01.1966 г. первую мягкую посадку на Луну. «Луна-9» впервые передала панораму лунной поверхности. Большая часть информации об этих событиях, особенно в отношении возникавших трудностей и неудач, формировалась из рассказов разработчиков и представителей оперативных групп, а также из материалов зарубежных «Голосов».

Немаловажным стимулом для всех стало согласие командования продлить 2-й рейс до шести месяцев. Перерыв между первым и вторым рейсом вылился в 9 месяцев стояния в Одессе, с постоянным ожиданием разрешения на выход, при отсутствии информации о причинах изменения сроков. После трагедии с «Созом-11» запланированные пуски были отменены. Ракетно-космические комплексы требовали доработок и устранения причин неудач, повышения надежности техники.

Для экспедиции и экипажа длительные перерывы между рейсами очень сказывались на материальном состоянии семей. Рядовой состав экипажа имел низкие оклады. Основной доход приносили товары, приобретённые в соответствии с таможенными нормами на валюту, получаемую в рейсе. Члены экспедиции, в том числе и офицеры, источник доходов имели тот же. Они мотались по командировкам для обеспечения вахт на судне и доработок аппаратуры разработчиком, которые выполнялись в период стоянки. Оплачивались только поездки при убытии в рейс и по прибытии из рейса. Эти деньги не покрывали командировочные расходы за межрейсовый период. Руководство СКИ ОМЭР и ЧМП шли на продление рейса, на дополнительные эксплуатационные затраты, чтобы дать заработать морякам и свести к минимуму текучесть кадров. Допустимую стабильность кадров ММФ и СКИ ОМЭР регулировала валюта, которая выплачивалась взамен командировочных. Шестимесячный рейс давал право на самые большие таможенные нормы. Выдержали мы 2-й рейс.

Семидесятые годы были началом застойных лет. С продуктами и товарами было проблематично. Аркадий Райкин именно тогда определил, что самый важный человек, создающий достойный быт советскому гражданину, – это заведующий складом, на котором имеется «дефицит».

Честно говоря, какие расходы несет государство и как оно их планирует, никогда не обсуждалось. Армейские финансовые органы беспокоились только, чтобы все выделенные средства были израсходованы в отведенные планом сроки. Понятия о том, сколько стоит использование наших НИСов и выгодно ли нести государству такие затраты, в те годы мало кого интересовали. НИСы создавались и работали в интересах развития ракетно-космической науки и техники в целях создания ракетно-ядерного щита и безусловного лидерства в космосе. На это тратили столько, сколько ЦК КПСС, считало нужным. Другого подхода и не могло быть. Не деньги были регулятором жизни, а идеология. О рынке мы тогда знали только по одесскому Привозу.

Задумался над тем, что оставляю на бумаге, и прихожу к выводу: всего-то от описываемых событий прошёл 21 год, а какие произошли изменения: вместо СССР теперь осталась только Россия. Вокруг нее Союз независимых государств (СНГ) и никакого Лагеря социализма. Станция «Свобода» работает в Москве, евреи не бегут, а свободно перемещаются по миру, морского космического флота (МКФ) больше

нет. Он стал дорогим и невыгодным. Все товарищи теперь господа и частные собственники. Получив ваучер, по которому владелец становится потенциальным частным собственником автомобиля, бывшие товарищи преобразовались в бизнесменов, банкиров и новых русских.

И все же в 3-м рейсе НИСу «АСК» повезло. В Гаване получили приказ следовать в экваториальную часть Атлантического океана для обеспечения контроля вторых стартов при пусках 4-х АМСов «Марс» за номерами 4, 5, 6, 7. Для «АСК» это была не сложная работа. Наша задача принять телеметрию на участке окончания работы двигателей и передать в ЦУП эту информацию. С нами в паре работал НИС «Ристна», НЭ – С.А. Прусаков, КМ – А.Ф.Медведев. Наши координаты $\varphi = 09^{\circ}45'N$, $\lambda = 22^{\circ}31'W$ были выбраны так, чтобы антенны комплекса «Румб» видели «Молнию-1» над горизонтом выше 5° . В этом случае гарантировалась устойчивая работа канала спутниковой связи. Южнее, в точке с координатами $\varphi = 28^{\circ}S$, $\lambda = 31^{\circ}W$, работали на участке включения двигательной установки, НИСы «Моржовец», НЭ – А.В.Щеглов, КМ – В.Я. Радченко и «Бежица», НЭ – В.Г.Бонах, КМ – В.И.Баглай.

НИС «АСК» привлекли к этой работе потому, что, используя спутниковую связь, он почти в режиме реального времени мог передавать в ЦУП телеметрические параметры о работе разгонного блока, а после окончания работы выдать весь объем телеметрической информации. Кроме того, остальные НИСы, участвующие в этой работе имели устойчивую связь с «АСК» по КВ каналам и передавали ему радиограммы с параметрами. В этот раз командование распорядилось временем по-хозяйски. Нас загрузили реальной работой, что позволяло поддерживать благоприятный климат взаимоотношений в условиях длительного рейса. Описав все предыдущее, решил привести страницы своего дневника работ по «Марсам».

«17.07.73 г. Пришли в рабочую точку. Тучи плотные, сине-черные, без просветов. Двигаются на северо-восток и там сливаются с такой же сине-черной водой. Такую картину видел в кино «Броненосец Потемкин». Под нами глубина около 6000 м. Что же там на дне?

В безоблачную ночь небо дает нам представление о Космосе. Передо мной Луна, Венера, Марс, туманности, знаки Зодиака, созвездия героев и сказочных мифических обитателей, Млечный путь и далекие галактики с черными дырами. В такую ночь в океане чувствуешь всеми клеточками – ты среди них, тебе есть место во вселенной. Твое созвездие – Солнечная система, твой дом голубая планета Земля. Пока она единственная, где есть жизнь – самый прекрасный дар Космоса.

А вот, что под нами, под этой пляшущей водой с белыми кудряшками пены, мы не знаем и не можем увидеть. Не очень прилагаем усилия по сравнению с освоением Космоса. Он для нас теперь основная работа. Нам повезло в жизни. Вот, через четверо суток будем провожать к Марсу земных посланцев. И волнуются все. Правда, по-разному это выражается. Попытался зайти к начальнику экспедиции, но из-за неплотно закрытой двери услышал голоса с нотками раздражения и неудовлетворенность. Разговаривали Поздняков и наш замполит Тищенко.

Иван Осипович, спокойный, выдержанный, с достаточной долей доброты человек, политработник, сформировавшийся эпохами строительства коммунизма и развернутого социализма. Он строго исполнял директивы Политуправления Советской Армии, которые предписывали охват всех поголовно марксистско-ленинской учебой и изучением решений Партии и Советского правительства. Суть разговора, как я уловил, была в том, что на себя он никаких мероприятий не брал. Он только нагружал и контролировал. Расслышать мне выпало заключительный монолог Позднякова:

— Иван Осипович, недавно я слышал по радио, что где-то в Сибири нашли человека, который прожил в стае дятлов. Сейчас часто сообщают, что находят людей, выросших в стае волков, обезьян и даже собак. Они очень трудно входят в

жизнь человеческой среды. Его поместили в психиатрическую больницу. Так вот, этот воспитанник дятлов в течение недели задолбал весь коллектив её». Я посчитал, что мне лучше уйти. Главный инженер должен заниматься своими делами.

Поздняков нервничал потому, что ни на «Комарове», ни на «Королеве» подобных работ не выполнялось. Я с ним прошел работы по «Зондам» и «Союзам», но там он больше занимался организацией работ через своих заместителей, технических руководителей комплексов от промышленности и членов оперативной группы. Ответственность в этом случае распределялась соответственно. Все работы «АСК» были неудачными. В этой работе оставались только заместители. Ответственность его была полная. А еще, был шанс доказать, что старая гвардия не сдает своих позиций. Космического образования в академиях не получали, но опыта не занимать. Экспедиция на «Королеве» была из выпускников академии Дзержинского 1970 г., уже многому космическому обученная и с высоким самомнением».

«18.07.73 г. Погода пока не меняется. Волнение небольшое. Ловим акул. Этим занимаются свободные от вахт и любители в личное время. Акул много и ловят их с безжалостной алчностью. Из челюстей делают рамки для семейных фотографий, из плавников и хвоста – настенные и настольные украшения, из позвонка – трости или стилеты. Все это для демонстрации своей биографии на берегу.

Постоянно проводим тренировки. Они делятся: на частные, т.е. на каждом техническом средстве, комплексные, когда все средства работают по программе сеанса связи с космическим объектом. Комплексные – проводится совместно со всеми участвующими в работе НИСами под руководством ЦУПа. Она проводится накануне работы, как правило, за сутки.

Прошло уже 2 года, как телеметристы видели живой сигнал с борта «Союза-11». Комплекс «Мезон» в работе участвует только отделением телеметрических станций. Начальник отделения Володя Чуднов переживает за дешифровку. Поздняков снимает стружку за любую мелочь, даже за плохо заточенные карандаши. Володя на замечания Позднякова реагирует с некоторой задержкой. Он так устроен. Поздняков из-за этого начинает нервничать. Стараются не допускать срыва. На формирование первой радиограммы нужно затратить минимум времени, а пока не получается.

Достается и мне с Эдуардом Шерстневым, начальником вычислительного отдела. Нет данных о начале работы двигателей разгонного блока и зоны видимости для телеметрических антенн. Эдуард исполнял обязанности главного инженера на «Королеве» в первом рейсе, но на штате состоял в телеметрическом управлении НКИКа, а по возвращению в Одессу узнал, что на эту должность назначили меня, поэтому в наших хороших отношениях всегда присутствовал холодок карьерного сквозняка.

Отсутствие этой информации он объяснял неполучением исходных данных для расчета на ЭВМ. Так как планового времени старта не было, я взял условное время и вручную рассчитал время включения и начало зоны видимости для нас, пользуясь справочником по космонавтике. Такой вариант я предложил проверить Эдуарду на ЭВМ и принять его для проведения тренировки. Напряжение немного уменьшилось. Тренировку провели. Завтра комплексная тренировка. Будем отрабатывать в основном организацию связи и порядок выдачи радиограмм с телеметрическими параметрами между «Моржовцом», «Бежицей», «Ристой» и «АСК», а также связь между «АСК» – ЦУП.

Вечером собрались в библиотеке все участники литературного вечера, посвященного Маяковскому. 19 июля ему исполнилось бы 80 лет. Определили дату вечера 22 июля. В творческую команду входили: Юра Бибеев, Боря Белохвостиков, Зоя – библиотекарь, Лариса Гевандян, Валя Маркина, Люда Рачковская и я. Юра

сочинял хорошие стихи и умело рассказывал их, Борис прилично доносил творчество Маяковского слушателям, ну а девушки наши горели желанием привнести в нашу жизнь лирики любви и поэтических эмоций и, конечно, продемонстрировать себя в праздничных нарядах. Лариса, Валя и Люда работали на вычислительных средствах комплекса «Кретон». Сюжетом вечера мы занимались уже почти месяц. По-разному относились сначала к этой задумке. Но после согласования сюжета, после нескольких репетиций втянулись, и желание осуществить её, полностью овладело нами. Это была предпоследняя репетиция».

«19.07.1973 г. Тренировка прошла по полной схеме. Задумался, какое количество средств и людей задействовано. Четыре НИСа в Атлантическом океане, 2 корабля ТОГЭ-4 в Тихом океане, 5 НИПов, спутниковый комплекс связи, наземные средства связи и во главе всей этой громады – ЦУП на НИП-16, Евпатория. Какие же деньги тратятся только на тренировки? Интересно бы узнать. Связисты Феокистова обеспечивали ретрансляцию информации. «Моржовец» контролировал начало участка работы двигателей и по КВ-каналам в режиме буквопечатания (БПЧ) передавал на «АСК», а мы через спутниковый комплекс связи «Румб» ретранслировали эту информацию в ЦУП. В этот раз не получилось. С «Моржовца» БПЧ шло очень плохо.

Информацию о выключении ДУ мы планировали выдавать из телеметрической лаборатории. Для этого телеграфный аппарат поставили в 109-й лаборатории. Тут случилась целая драма. За несколько минут до выдачи телеграммы пропала связь от телеграфного аппарата на вход аппаратуры уплотнения спутникового канала. Костя Бычков примчался с узла связи в лабораторию почти мгновенно. После тренировки мы просили его повторить этот феномен, но он не смог. Поздняков прибыл чуть позже, но путь от командного пункта проделал тоже с рекордным временем.

— Ну, что? – суровым голосом спросил Поздняков Бычкова. С «Моржовцом» ляпу имели вчера, конечно, по их вине, а тут?

Бычков не ответил. Попросил Чуднова дать отвертку, и затем, ответил:

— Полярность перепутали, надо поменять!

— Понятно. Готовились много и долго. Плюс с минусом перепутали. Где Феокистов?! – почти взрывается Поздняков, – 5 мин осталось!

Бычков, в ожидании отвертки, бьет по крышке, закрывающей реле. А вдруг залипло? Ему подают отвертку. Он начинает разбирать фишку – «папу». Руки от напряжения дрожат, неверное движение – и провода обрываются. Костя пытается оголенные концы вставить в гнезда «мамы». Поздняков стучит по реле. Бычков вставил концы в гнезда. Реле не реагирует. 2 мин прошло.

Поздняков побледнел, усы, тонкие в спокойной обстановке, распушились и пошли на перекосяк. Это был признак предельного напряжения. Он осмотрел всех окружающих ледяным взглядом, натолкнулся на Чуднова и голосом, каким в кино говорят солдаты, у которых кончаются патроны, сказал:

— Где рысаки? Немедленно отправить телеграммы Феокистову на узел связи.

Рысаки – это члены экспедиции или экипажа, назначенные для доставки ногами радиogramм от начальника экспедиции радисту в радиорубку. Такой способ применялся на первых плавучих ПИПах, когда вся связь осуществлялась через судовую радиостанцию. Поздняков знал этот способ по «Краснодару». В приказе на работу он назначил курьеров на всякий случай. Решение было найдено. Командирский опыт пригодился.

И все-таки, телеграмму выдали с опозданием и допустили ошибку. ЦУП отметил недостатки и назначил тренировку на следующий день.

Разбор полетов был показательный и разгромный. Получили по первое число все. Поздняков продемонстрировал хорошие знания организации и выполнения

таких работ со всеми тонкостями технологии приема информации, организации ее дешифровки и составления телеграмм. А процесс передачи телеграмм он считал самым ответственным этапом работы и важнейшим фактором, влияющим на итоговую оценку за работу командованием. Он даже рассказал историю, как начальник экспедиции ПИП «Ильичевск» Москалец получил медаль «За боевые заслуги», передав информацию о нормальной работе ТДУ КК «Восход» в сентябре 1964 г., до входа его в зону видимости НИП-10 Симферополь. А придумал он оригинальный способ. Составил радиogramмы по параметрам с положительными значениями в порядке их отправления и пронумеровал. Судовой радист договорился с оператором одесского приемного центра, что перед началом работ с объектом он передаст в центр весь перечень телеграмм, и во время работы, будет сообщать только номера радиogramм. Оператор, получив номер, передаст радиogramму за этим номером в ЦУП. Вот так, одна сэкономленная минута дала стране героя.

Вечером снова собрались на репетицию».

«20.07.73 г. Отработали тренировку без замечаний. Успокоились. Не ругаемся, а спокойно ищем решений по сомнительным вопросам. Полученная вчера взбучка серьезно царапнула беспечность и подстегнула ответственность. На «Кретоне», не участвующем в работе, тоже зашевелились. Настрой у всех деловой и, я бы подчеркнул, предпраздничный. Все, и экипаж, и экспедиция, ждут завтрашнего дня, долгожданного начала реальных работ.

Последняя репетиция. Решили вопрос со светом во время представления. Читающего стихи освещать фонарем. В салоне сделали выставку книг Маяковского и рассказывающих о нем. Прогнали сценарий полностью. На магнитофон записали музыку. В основном фортепьяно. Это поручили Игорю Седукову. Уложились в 1 час. Для начала вполне приемлемо. Окончательно договорились выступать, придерживаясь хронологии творчества Маяковского. Мне поручили вести вечер и комментировать выступления.

— Сам придумал, сам и отвечай, — сказал Белохвостиков.

Вечер начинался с краткого изложения биографии Владимира Владимировича Маяковского. Зоя, заведующая нашей библиотекой, сделала небольшое вступление о начале творческого пути и прочитала стихотворение «А вы могли бы?». Потом читала Людя Рачковская «Послушайте», Лариса — «Пролог», Валя — «Разговор на Одесском рейде десантных судов «Советский Дагестан» и «Красная Абхазия». Я прочитал «Необычайное приключение с Владимиром Маяковским на даче». Юра Бибеев очень хорошо прочитал «Сергею Есенину», а потом Борис — «Блэк энд Уайт» и Игорь Седуков — отрывок из поэмы «Владимир Ильич Ленин». 22-го все рассудят зрители.

Завтра работа. Вся экспедиция гладит рубашки и брюки. На работу решили выйти в белых рубашках и в галстуках. Уже сообщили время старта — 21.07.1973 г. в 22.30.59 (ДМВ), местное время 17.30.59. К нам он придет где-то, минут через 80. Местное время будет 18.50.59, 21.07. Готовность 2 часа объявим в 16.51.00.

Решил сходить на «Румб» к Володе Мухину, соседу по дому. Живем в Пушкине рядышком. Я на пятом, а он на шестом. Он хозяин спутниковой связи, самой важной составляющей частью всей работы. Еще надо зайти к Владимиру Максимовичу Синельщикову, техническому руководителю комплекса «Кретон» от НИИП. Он участник разработки комплексов дальней связи, участник многих работ с АМСами на наземных пунктах. Надо с ним обсудить завтрашний день, чтобы проверить себя».

«21.07.73 г. Неприятности начались с утра. Старпом занялся снова экономией мыльевой воды. Замучил уже всех. Только у машинной команды всегда есть горячая вода, так он к ним ходит мыться. Одесситы говорят, им за экономию премию дают. С вмешательством капитана воду обещали дать с 14.00 до 17.00. На работу решил

идти чистыми. Пришлось, всё же, 2 часа намыленным ждать, пока дадут горячую воду. Помог главмех Валентин Гертнер. Приказал все перекрыть и дать горячую воду в наш стояк. Хорошо, что каюты у нас рядом. Представляю, какой обвал звонков достался старпому.

Вчера долго был в гостях у Синельщикова. Он рассказал мне о марсианских делах у нас и американцев. Оказывается, мы начали пускать АМСы к Марсу еще в 1960 г. Сначала выводили на орбиту ИСЗ, а потом, в расчетной точке орбиты, АМС автоматически ориентировался на траекторию к Марсу, запускался маршевый двигатель и разгонял ее до второй космической скорости. НИИ-4 МО оборудовало три сухогрузных судна телеметрическими станциями «Трал» и направило их именно в этот район, где находимся мы, для контроля, как теперь говорят, второго старта. Так что рождению вашего флота вы обязаны Марсу. И начали мы осваивать дальний космос с Марса – бога войны, наверное, потому, что в нашей стране освоением космоса занимались военные.

Два пуска в 1960 г. были неудачными. Ракетносители разрушились на активном участке. АМСы погибли. В 1962 г трижды пытались осуществить пуски к Марсу. Из трех только один объект, названный официально «Марс-1», полетел, но через 140 суток замолчал. Про это писали газеты и журналы, как об успехе. Знаю, говорил Владимир, что ваши суда участвовали в этой работе и дали много полезной информации о причинах отказов систем запуска разгонного двигателя. От разработчиков АМС слышал, что на эти суда посылали в рейсы разработчиков систем исполнения второго старта.

Для меня это было открытием. Я внимательно слушал. А Синельщиков продолжал открывать для меня удивительные тайны. В последующие годы (1960, 1962, 1963, 1964, 1969 и 1971 гг.) было осуществлено 11 пусков. Из них удачными можно считать два: 19.05.71 «Марс-2» и 21.05.71 «Марс-3». Они в ноябре 1971 г достигли планеты, вышли на орбиты искусственного спутника и направили спускаемые аппараты (СА) к поверхности Марса. СА «Марса-2» доставил вымпел с Гербом СССР. А СА «Марса-3» осуществил мягкую посадку, но сигнал от него был всего, около, 20 сек. Также и орбитальные «Марсы» смогли выполнить только часть задач. Во многом им навредила пыльная буря на Марсе.

В это же время на орбиту вокруг Марса была выведена американская АМС «Маринер-9». Во время бури она съемки не проводила, ждала конца бури. У «Марсов» программы ожидания не было. Они снимали и передали по 150 снимков, в основном песчаную бурю. После прекращения бури «Маринер-9» предала 7000 снимков поверхности планеты. При этом на двух снимках из этой серии были обнаружены пирамидальные образования с предпосылкой на искусственное происхождение.

— Все, что сделали «Марсы», – огромное достижение нашей космонавтики. Обидно, что мы обязательно что-то не доделываем. Вот у американцев, – почему-то всегда получается конечный результат лучше, хоть и начинают с опозданием. У нас, сделав паузу, продолжил Владимир — всегда неожиданное начало с громкими заявлениями, туманными целями и трудной дорогой к нужному результату. С «Салютами» сплошные неудачи. Про Луну я не хочу даже говорить.

В заключение беседы Синельщиков сказал: предстоящий пуски доведут число запусков «Марсов» до 15. Безусловно, очень ждут и надеются на успех. Американцы и в межпланетных полётах обошли нас по всем статьям. За нами пока единственный успех в этом деле. Мы первые, еще в 1962 г., заявили о запуске «Марс-1». Почти 5 месяцев полета была связь со станцией, а 21 марта по не известным причинам прекратилась. Конечно, он пролетел мимо Марса, но в полном молчании.

Американцы официально начали заниматься Марсом в 1964 г. На сегодняшний день они осуществили 6 пусков АМС «Маринер» за номерами 3 – 9. Номера 1,2 и 5 были использованы для запусков к Венере. В ноябре 64 г были запущены номера 3 и 4. № 3 был неудачным. Неудачным был и запуск «Маринер-8» в мае 1971 г. Пуски весной 1969 г. номеров 5 и 7, а также 9 в мае 1971 г. были удачными. «Маринеры -5 и-7» фотографировали Марс на пролетной траектории, а № 9 это делал с орбиты искусственного спутника Марса. Все они выполнили свои программы полностью.

Ваша работа, конечно, важная, она, на первый взгляд, не влияет на конечную задачу. Но если разгонный блок отработал нормально, и вы выдали в ЦУП своевременно и без ошибок всю нужную информацию, то это даёт уверенность и надежду на удачное завершение всего долгого полёта Главной оперативной группе управления (ГОГУ) и всем участникам работы. Об этом, думаю, полезно сказать перед началом завтрашней работы. Кстати, информация ваших первых судов позволила разобраться конструкторам в неисправностях и ошибках в системах и механизмах доразгонного блока и повысит надежность второго старта.

— Это были «Краснодар», «Ильичевск» и «Долинск». В 1962 г. к ним добавился танкер «Аксай» – дополнил я.

Разговор был интересный, полезный и своевременный. Владимир просил никому не рассказывать содержание нашей беседы.

— Так сложилось, – сказал он. Разговоры о наших работах и, особенно о неудачах, носят секретный характер, и за несоблюдение правил режима могут крепко наказать и меня, и тебя.

Владимир Максимович прилетел в Гавану 28 июня как технический руководитель комплекса «Мезон». По каким-то причинам НИИП, разработчик и изготовитель комплекса, не смог к отходу из Одессы оформить ему визу. Пока мы притирались друг к другу, но, хочу отметить, контакты становились все лучше и лучше. За его плечами был большой опыт и хорошая профессиональная подготовка, но, самое главное, он умел располагать человека к хорошим отношениям. Мог терпеливо и внимательно слушать и интересно рассказать о том, что знал по интересующей собеседника теме.

Обед был хороший, праздничный и красивый. Белые рубашки, галстуки и отутюженные брюки, начищенными ботинками очень изменили мужчин. Официантки блистали белыми фартуками на фоне выходных платьев, сопровождая движения по кают-компаниям цоканьем каблучков модельных туфель. Столы сияли белизной скатертей, разноцветьем посуды. Потом был, как говорят военные моряки, адмиральский час.

В 14.00 Поздняков провел в салоне совещание с руководством экспедиции и экипажа. Отмечу некоторую торжественность и серьезность присутствующих. Все доложили о готовности, и Поздняков объявил двухчасовую готовность на 16.51.00. Единственный вопрос задал Феоктистов по поводу горячей воды в душевых. Ответил капитан Борисов. Горячая вода будет подаваться утром с 07.00 до 09.00 и вечером с 19.00 до 21.00. Бассейн заполняется постоянно. Поздняков обратил внимание командиров на то, что в экспедиции задействован не весь личный состав. Необходимо их предупредить, что во время сеансов связи с объектами не создавать помех действиям расчетов на средствах. В работающих лабораториях не должно быть лишних людей. Присутствие посторонних только с разрешения начальника лаборатории.

Мне показалось, Илья Никитович все-таки взволнован. А когда это так, то мелочей не бывает, каждый получает свое. Он хорошо знал тонкости такой работы по «Краснодару». Теперь нужно предусмотреть все негативы, найти королевские варианты и исключить их влияние на результаты предстоящей работы.

Телеметристы и дешифровщики до объявления готовности проводили частные тренировки, операторы наведения антенн отработывали управление по целеуказаниям и по максимуму принимаемого сигнала. Повсюду чувствовалось ожидание важнейшего в жизни экспедиции события. Может быть, в масштабах предстоящего события 10 *мин* нашей работы – капля в океане предстоящего многомесячного труда наземного комплекса, и о ней не скажут в сообщении ТАСС и репортажах корреспондентов.

Но это мы первые узнаем, полетел АМС по нужному курсу или нет, и отправляем в ЦУП всю информацию о состоянии объекта во время второго старта и после него. После байконуровских стартовиков мы даем всему наземному комплексу команду: Будьте готовы! Передаем объект вашим антеннам. Так думают на каждом нашем НИСе.

Вот и наступила двухчасовая готовность. Судно притихло. На командном пункте Поздняков провел совещание о готовности всех служб. Особое внимание обратил на навигационное обеспечение. Капитан считает, что по состоянию моря можно работать на малом ходу. Движение можно начинать за 15 *мин* до начала работы. Поздняков принял решение перенести командный пункт в 109-ю лабораторию, где были установлены телеграфные аппараты и оборудовано рабочее место судового радиста, для связи с НИСами, участвующими в работе.

Все занимаются своим делом, но каждый ждёт прихода телеграммы о старте объекта. И вот наконец Анатолий Капитанов, наш шифровальщик, приносит телеграмму с временем старта 22.30.59 (ДМВ). Об этом сообщили всем лабораториям и на ходовой мостик. Обстановка в лабораториях сразу изменилась. Состоявшийся старт подстегнул всех. Даже незанятые в работе стали уточнять, в какое место неба надо будет смотреть, чтобы увидеть работу двигателя. Кто-то из рыбаков посоветовал следить за телеметрическими антеннами на носовой надстройке. В 19.30.00 наступят сумерки, и наблюдать работу двигателя вполне реально. В голове все время циркулируют мысль: всё ли предусмотрели? Проверяю зоны видимости антенн при выбранном курсе.

Готовность 15 *мин*. Капитан докладывает о начале движения судна в рабочую точку. «Моржовец», «Бежица» и «Ристна» доложили о готовности. Все на рабочих местах. Тищенко вошел в лабораторию и, почувствовав напряженность момента, сел на свободный стул около рабочего стола.

Гудят сельсины антенных стоек и курсового репитера. Поздняков впился глазами в его картушку. Стрелка застыла на цифре 230°. Начальника КП Ступак объявляет: — Готовность 5 *мин*! Её операторы не репетуют. Динамики громкоговорящей связи подтверждают свою исправность чуть слышным фоновым зудом. Бычков сообщает: «Моржовец» сообщает о начале приема! Всё внимание на индикатор сигнала приемников, где должна качнуться стрелка и двинуться с нуля по шкале. Я у стойки управления антенной, смотрю на индикатор АРУ (автоматическая регулировка усиления). Стрелка должна отклониться на несколько делений вправо. Оператор смотрит на часы, потом на ленту целеуказаний, и снова на часы. Вот-вот стрелка начнёт отсчёт времени начала зоны видимости «Марса-4».

— Доложить о наличии помех, – дает команду Чуднов.

— Помех не наблюдаем! – докладывают операторы приемников.

— Готовность одна минута, – объявляет Ступак. И в это время, каждый из участников работы ждет от операторов приемников доклад о начале приёма, и взывают к объекту, как к всевышнему: Ну, давай же, давай, качни стрелку, нарисуй заборчик на экране лучевой трубке, заставь прыгать перья на самописцах!

— Есть сигнал! — идет доклад от оператора антенн.

— Есть прием, - подтверждают операторы приёмников.

— Начало регистрации! – доклад от графических регистраторов (ПРГ).

— Сигнал в сбоях, наблюдаю помеху, — доклад с приемников.

— Параметры в помехах, — сообщают со стоек ПРГ.

Помеха! Откуда она взялась? На экране она похожа на работу радиостанции ключом. Смотрю на время. От начала приёма прошло 15 сек, кажется, вечность... Дешифровщики засуетились. Чуднов побледнел. Поздняков начинает накаляться, но пока не вмешивается. И вдруг, помеха пропала.

— Сигнал в норме, пошли четко параметры, дешифровщики формируют первую телеграмму, — прошли доклады.

— Двигатель включен. ДКС (давление в камерах сгорания) – норма. ТРВ (тангаж, рысканье, вращение) – норма. СИТ (система измерения температур) – норма, – доложил Чуднов.

Первая телеграмма ушла. Процесс работы стабилизировался, появились спокойствие и уверенность. Мухин доложил: «Молния-1» над горизонтом чуть больше 14°, и сигнал хороший. Информацию выдадим всю. Передатчиками КВ пользоваться не будем.

Завершаем сеанс спокойно. Конец работы двигателя фиксируем четко. Прошла команда отделения разгонного блока. АМС полетел к Марсу. Ура! НИС «Академик Сергей Королев» участвует в осуществлении заветной мечты Сергея Павловича Королева – полететь к Марсу.

Разгонный блок отлично отработал, и теперь шлет нам сигналы о том, что он провожает очередной «Марс» под №4. Об этом сообщит ТАСС. Все заботы теперь ложатся на НИП-16, Евпатория, и НИП-10, Симферополь.

Сигнал пропал. На индикаторах зеленые точки, стрелки АРУ на нулях, катушки магнитных лент остановились. Шумят только вентиляторы. Телеграммы выданы. Все обмениваются впечатлениями от свершившегося второго старта с удовлетворением и даже с юмором. Пошли запросы. Попросили описать 112 и 208 каналы. Еще были вопросы, но все было без суматохи и напряженности. Готовим ВШК (вход в широкополосный канал). Будем передавать всю информацию, записанную на магнитофон, через «Молнию-1» в Центр обработки.

Работа закончена. Всем средствам отбой. Пришла телеграмма от руководства, работа прошла нормально, оценка в понедельник. Сегодня суббота. Будем отдыхать.

У Белохвостикова день рождения. В каюте много народа. Компанию украшают наши девушки. Посиделки были долгими. Я ушел чуть раньше, и по дороге меня заманили к Крыжановскому, начальнику радиостанции. У него тоже день рождения. Тут было больше одесситов. Конечно, они стали расспрашивать о работе.

А сколько туда лететь? А что мы еще будем делать? Когда они услышали, что «Марс-4» долетит до планеты только в феврале, тут же задали вопрос:

— Это мы имеем столько ждать? И мы туда будем работать?

— Да нет же, мы только здесь на втором старте работаем, а до «Марса» мы не достанем. У нас таких антенн нет.

— А «Гагарин» сможет?

— У «Гагарина» антенна 25 м в диаметре, и он может работать на таких расстояниях.

— Да, значит, мы не главные, – огорченно заметил именинник.

— Ну, тут ты, спешу тебе сказать, не прав, – заговорил старший механик Юра Аржаткин, тот самый, что на теплоходе «Капитан Фомин» сейчас где-то рядом и выходил с нами на связь 22-го сентября.

— Вот скажи мне, дорогой, отчего чай становится сладким: от сахара или от помешивания?

— Ха, он еще спрашивает, конечно, от сахара, – отвечает именинник.

—Да?! А ты когда-нибудь пил чай, который без помешивания, и таки был бы сладким?

Именинник, уже в кондиции, обвел гостей взглядом, пожал плечами и, хмыкнув, сказал:

—Ладненько. Но что мы имеем с сахара, если цимес в помешивании?

—Что мы имеем с сахара? – улыбаясь, посмотрел на всем стармех:

— А имеем с сахара то, уважаемые, что знаем, как долго надо помешивать!

— Понял! – громко подвел итог шеф-повар Витя Граматиков, – сахар мы или ложечка, это неважно. Главное, мы чай делаем сладким. Предлагаю выпить за счастливую дорогу «Марса-4»!

Спать лег поздно с мыслью: вставать утром буду, когда проснусь».

Р. S. 22 провели литературный вечер. Открывала его Лариса Гевондян. Она эффектно и трогательно вышла из дверей библиотеки. В лучах подсветки она была необычайно красивая. Всех очаровала и заколдовала. От волнения голос звучал с малиновым перезвоном:

Послушайте!

Ведь если звезды зажигают,

Значит – это кому-нибудь нужно?

Значит – кто-то хочет, чтобы они были?

Значит – кто-то называет эти плевочки

Жемчужиной?

Эти строчки, в сумерках салона, озвученные красивой женщиной в аудитории полной мужских пристальных глаз прозвучал с такой верой и страстью, что зал замер в ожидании вспыхнувшей звезды. Полная гармония с настроением удачно выполненной работы по «Марсу». Получалось, мы зажгли нужную звезду.

Вечер прошел как по нотам. Читали все очень здорово. Аплодировали каждому и не один раз. По окончанию долго хлопали и предлагали сделать вечер о Есенине. Капитан всех участников пригласил в салон. Угощал коньяком, шампанским и шоколадом. Людмилу Рачковскую он посадил рядышком и уделял ей особое внимание.

Мне он потом сказал: Начало было таким потрясающим, что все остальное воспринималось на ура!»

«АСК» отлично отработали по остальным «Марсам» № 5, 6 и 7. Народ почувствовал вкус успеха. Нам сообщили: будут работы с пилотируемыми кораблями. А пока мы пошли к Канарским островам. Разрешили заход в Санта-Крус-де-Тенериф.

Итак, 27.09.73 г. Ньюфаундлендская банка.

«Погода ясная. Море спокойно дышит. Готовимся к работе. Кто уже готов, вышли на корму и ловят скумбрию. Одни на самодур, другие на донки. Последних называют трескачами. Они ловили треску и пикшу. Много чаек.

Снова волнения. Для меня это первая работа на комплексе «Мезон» с пилотируемым объектом. На «Комарове» комплекс «Кретон» был собран в спешке из готового наземного комплекса «Сатурн МС». Центрального поста управления (ЦПУ), как такового не было. Единое табло отображения состояния комплекса отсутствовало. Готовность и функционирование систем и станций отображалось только в лабораториях.

На «Королёве» все было сделано уже продуманно. Был ЦПК, где начальник экспедиции мог наблюдать ход подготовки всех комплексов и систем судна к работе, состояние комплексов связи, проведение работ с объектом. Имелась связь с ЦУПом. Главный инженер руководил работой комплекса «Мезон» из центральной лаборатории. Рабочее место оборудовано средствами отображения состояния комплекса, громкоговорящей связью с лабораториями и мостиком.

Сегодня был мой экзамен. Поздняков, как я понимал, доверил мне полностью вопросы подготовки комплекса и руководство в процессе работы. Для меня это было важно, так как на «Комарове» рабочего места главного инженера не было. Очень мне помогал Синельщиков. Знаний и опыта у него достаточно. Ведущий разработчик телевизионных систем лунных и марсианских объектов, а в последнее время, он занимался разработкой и вводом в эксплуатацию командно-измерительного комплекса дальней связи «Сатурна МС». Таков неполный перечень его дел.

Готовность 2 ч для судна начинается в 21.00 (ДМВ). Судовое время 14.00. По спутниковым каналам связи идет технология сеанса связи. Оперативная группа готовит программу для командной радиолинии (КРЛ), телеметристы и дешифровщики набирают каналы с параметрами для дешифровки на ПРГ.

Очень важно правильно отработать антеннами. Телеметрическими управляют операторы. Двенадцатиметровая антенна комплекса «Мезон» наводится программным устройством. Если программа рассчитана правильно, то с появлением сигнала она сопровождает объект автоматически. При ошибке ЦУ, система автосопровождения захватит появившийся сигнал, выработает поправку, выдаст её в программное устройство и антенна продолжит отслеживать объект по откорректированным целеуказаниям. Сам момент появления сигнала важен потому, что можно быстро оценить обстановку и понять, какое принимать решение – ждать появления некоторое время или приступить к поиску сигнала.

По сообщенной технологии, «Союз-12» придет с включенным телеметрическим бортом, значит, начальник телеметрической станции Чуднов должен отследить и доложить о появлении сигнала. Прошел в 109-ю лабораторию, посмотрел, как идет подготовка. На удивление, начальник спокоен. На «Марсах» он очень волновался. Опыт дает свой результат. Договорились о докладе по сигналу. Ловлю себя на мысли, волнуясь и говорю о вещах, которые Чуднову яснее ясного.

Возвращаюсь на свое рабочее место. Синельщиков уже тут. Сообщил мне о космонавтах. Командир, подполковник Владимир Григорьевич Лазарев, бортинженер Олег Григорьевич Макаров. В районе салона комсостава замполит Тищенко и перпом Жабров вывесили информационный плакат с фотографиями космонавтов, привезённые оперативниками. Скрывали до выхода сообщения ТАСС.

Владимир рассказал мне немного о предстоящей работе:

— После первого «Салюта» у нашей космонавтики началась полоса неудач. Три станции погибли. Одна при запуске в июле 1972 г. – ДОС-2. Тогда ракетоноситель подвел. В этом году в апреле запустили ДОС для военных. По документации ее название «Алмаз» и разработчик – другое КБ. Главный конструктор Челомей.

— А я думал, что он только ракеты создает.

— Нет, он и в лунной программе участвовал активно. На его ракете «Протон» «Зонды» запускались в облет Луны. Для посадки на Луну свою ракету и корабль предлагал, — ответил Владимир Максимович и вдруг добавил, — давай, эту тему закроем. Не время и не место. Поговорим о ближайшем:

— Перед вашим отходом в рейс был запущен ДОС-3, и снова неудача. Накануне отъезда к вам мне рассказали, что на первом же витке, не знаю по каким причинам, система ориентации осталась без топлива для двигателей, и ДОС-3 летает теперь под именем «Космос-557» Напряжение там – дальше некуда. Знаю, результаты полета «Союза-12» очень важны для высокого руководства. Как-никак, первый полет после июня 1971 г. После скромных результатов наших «Зондов» по сравнению с «Аполлонами» и неудач с Н-1 все наши надежды были на «Салют». Но ты же знаешь финал! Второй раз после «Союза-1» нам приходится снова начинать пилотируемые полеты, теперь уже после «Салюта-1 и «Союза-11».

— Просто кабалистика в этих единицах какая-то, очень хотелось стать свидетелем успешного начала. Я же на НИП-10 (Симферополь) работал на «Заре» по «Союзу-1» и слышал голос Комарова на посадке. А потом, в 1968 г. на «КВК», вот в этой же точке работали по «Союзу-3». Возобновлял тогда пилотируемые полеты космонавт Береговой.

— Представляешь себе, снова все повторяется. В июне 1971 г. я был командирован в Евпаторию на НИП-16, в ГОГУ обеспечивать полет «Салюта-1» и «Союза 11». Теперь на НИС «АСК» снова участвую в возобновлении пилотируемых полетов «Союзом-12». Сумма цифр, надо же так, составляет тоже 3. Мистика какая-то, Владимир Максимович.

— Для моряков, конечно, случай уникальный, а на НИПах у многих такие совпадения, – замечает он и добавляет:

— Судя по всему, и в этот раз, возобновление полетов должно пройти удачно, так как повторяемость событий кабалистикой не исключается.

Разговор закончили, наступила часовая готовность, – приступили к комплексным проверкам.

Работа прошла нормально. Волнующим было начало сеанса. Телеметрический сигнал появился секунд на 10 раньше, и, казалось бы, надо корректировать запуск программы наведения большой антенны, но не сговариваясь, я, Синельщиков, Старичков – начальник отдела, Мамалыгин – его заместитель, эти 10 сек молчали, и программа наведения антенны пошла по расчетному времени. Выдали команду на включение борта. Включился борт, произошёл захват пеленгационной антенной и комплекс «Мезон» начал выполнять программу сеанса. Телеметрический сигнал появился раньше из-за благоприятных условий прохождения радиоволн.

Космонавты на первом нашем витке вели переговоры с ЦУПом. По оценке руководителя оперативной группы, на борту все нормально. Есть замечания по СОЖ (система обеспечения жизнедеятельности) и к приборам ориентации. На следующих витках космонавты отдыхали и мы по «Авроре» только прослушивали канал связи. На одиннадцатом витке мы должны были дать побудку

Все 5 сеансов выдавали по ВШК через спутник «Молния-1» полные объемы телеметрической информации за каждый виток. Первый день мы отработали нормально, и напряженность в явном виде пропала. Поздняков кратко подвел итоги первого дня. Не хвалил и не ругал. Подчеркнул, это только начало. Настроение было хорошим».

О. Павленко.

27.09.1985 г. НИС «Космонавт Юрий Гагарин». НЭ – Пыпенко. КМ – Григорьев. Атлантический океан. Ньюфаундлендская банка, район острова Сейбл.

«Пасмурно. Видимость около 2 км. Горизонт затянут туманом. Волнение моря 2 балла. Зыбь. $T_{\text{воды}}=14^{\circ}$, $T_{\text{воз}}=16^{\circ}$. «Салют-7» – «СоюзТ-14» катятся по небосводу одной звездочкой.

Наблюдал, как один из двух прижившихся на борту кобчиков разделялся с очередной жертвой из залетевших на отдых воробьев. Как был пойман воробей, я не видел. Хищник сидел на антенне передатчика кормовой мачты и засыпал корму воробьиными перьями, прерывая это занятие только для определения места нахождения своего соперника. Земным нравам океан не указчик. А вот для чаек палуба недружелюбна. Две чайки, распутив крылья, неуклюже пытаются разогнаться для взлета. Сколько они сделали попыток, я не знаю, но вид у них был замученный. Решил им помочь. Набегался хорошо, но еще большее удовольствие испытал, когда они полетели.

Возле нас постоянно крутится канадское сейсмическое судно. Ведет разведку шельфа с помощью взрывов. Они раздаются довольно часто. Что оно разведывает, трудно сказать, но антенн много.

14.00. Получили штормовое предупреждение. Скорость ветра увеличилась, до 20 м/сек. По радио «Маяк» передали о супертайфуне «Глория». Получили синоптическую карту. Скорость ветра в эпицентре 70 м/сек. Для наших антенн это почти в 3 раза больше допустимой 20 м/сек. Говорят, что будем уходить в океан после сегодняшней работы. Открутим последний виток и уйдем».

Б. Сыровой.

Много пришлось воспоминаний на этот день. Очаг этих бесед всегда теплился в каюте технического руководителя от НИИП Синельщикова Владимира Максимовича. На судно он прибыл 28.06.73 года в Гаване. В Союзе он оформить визу не успел. Очень засекреченный работник космической отрасли. В этот рейс мы пошли без представителей промышленности на системах. Было совместное решение, до сдачи комплекса в эксплуатацию в рейсы будет ходить технический руководитель и его заместитель. За два рейса члены экспедиции освоили технику и приобрели навыки самостоятельно обслуживать комплекс и системы, а промышленность научилась делать надежную технику и удобную в эксплуатации. Вот, что значит создание техники специально для эксплуатации в морских условиях и строительство судов для нее. «АСК» и «КЮГ» строились по специально разработанным проектам. Аппаратура создавалась для эксплуатации в морских условиях на любых широтах, бытовые условия по нормам Минморфлота.

В аэропорту Гаваны встречали его я и Иваном Сергеевичем Матвиенко, заместитель начальника экспедиции по общим вопросам. Так было записано в судовой роли. Он и его коллеги рекомендовали в быту называть их заместителям по безопасности. Вместе с Синельщиковым прибыл и его заместитель Арясин В.А.

Отношения мои с ними с первой встречи установились товарищеские и деловые. К началу работ по АМС «Марс -4/5/6/7» наши отношения перешли в дружеские и продолжались долгие годы. Владимир Максимович много рассказал нам о первых шагах нашей космонавтики. Для меня, его рассказы, в то время, на фоне хвалебных статей и речей об успехах советской космонавтики, были откровением человека, понимающего всю грандиозность наших космических успехов, знающего, как достаются нам эти успехи.. Мы понимали, что не все так благополучно, как вещает радио, и пишут газеты. Сколько переносов работ было без разъяснения причин или тяжелых спутников и «Космосов» появлялось на орбите вместо, ожидаемых нами «Лун» «Зондов», «Венер», «Марсов» и «Молний».

Вот первый его рассказ. « Начиная свою деятельность как ракетчик. Занимался я системами радиуправления полетом ракет, и в частности, ракеты 8К71 или, как ее еще называли Р-7. Это наша первая МБР разработки С.П.Королева. Наша система управляла ракетой на активном участке по дальности и отклонению от расчетной плоскости траектории полета или боковая коррекция. Последнее, осуществлялось путем измерения разности расстояний с борта до главного и зеркального измерительных пунктов. Эти пункты отстояли от плоскости стрельбы на расстоянии 500 километров. Так вот эти расстояния сыграли решающую роль в выборе испытательного полигона в казахстанских степях, в районе станции Тюратам.

Было обследовано много мест, но выбрали Тюратам. Много свободного пространства и можно разместить измерительные пункты боковой коррекции на нужном расстоянии от плоскости стрельбы и, гарантированном от помех, расстоянии, от государственных границ и больших промышленных центров. И это я вам рассказываю, для того, чтобы вы читали вашу работу измеренцев. Для

измерений страна потратила огромные деньги на создание вашего флота. Все, что вы делаете, одна из составляющих работ всех наземных пунктов».

Для меня этот рассказ прозвучал, рассказом из секретного архива. Полной неожиданностью был рассказ о полете АМС «Луна-1», еще ее называли «Мечтой». АМС должна была попасть в Луну. На АМС был контейнер с вымпелом, как на последующей «Луне-2», которая впервые в мире попала в другое небесное тело. «Луна -1», как сообщали наши газеты, запущена была как искусственная планета солнечной системы. На самом деле антенна командной радиолинии была наведена на ракету не основной диаграммой направленности, а боковым лепестком. В результате команда на выключение двигателя в расчетное время не прошла, и двигатель отключился позже от бортовой системы управления.

А рассказ о полете Ю.А. Гагарина, я, и присутствующие на посиделках, были удивлены и огорчены тем, что нас всех средства массовой информации, просто одурачивают. Мы были все уверены в безупречном выполнении программы полета Гагарина. Нас приучают думать о наших космических делах, как о легких трюках. Оказывается, Гагарина запустили на более высокую орбиту по отношению к расчетной и, по этому, он приземлился не на Байконуре, а в районе Саратова, недалеко от Волги. Произошло это по причине неустойчивой работы системы энергопитания в канале выдачи управляющей команды на выключение двигателя в расчетное время. Команда не была выдана.

Службы поиска и спасения вынуждены были срочно передислоцироваться и, в случае осложнений при посадке, оказать помощь космонавту, своевременно, было бы затруднительно. При отказе тормозной двигательной установки «Восток» сошел бы с орбиты на баллистический спуск через 10-15 суток. Расчетный срок жизнеобеспечения «Востока» 5-6 суток.

Владимир Максимович был умелым рассказчиком. Очень здорово он читал стихи. Рассказ о жизни на Байконуре, в начале комической эры, он начал с чтения стихов неизвестного автора, участника этих событий.

Там за лето на небе ни тучки,
И зеленой травы не видать,
Саксаул да сухие колючки
Лишь природа сумела создать.

Чахнут, корчась под солнцем, растенья,
Просят небо о хладном дожде,
Но оно их не слышит моленья
И ни капли не брызнет нигде.

По барханам злой ветер гуляет,
Сумасшедшие вихри все рвут.
Старт, антенны, песок засыпает,
И поблажек нам здесь не дают.

На «десятку» купаться ходили.
Сыр-Дарья с мутью воду несет.
Струи желтые теплыми были,
Но прохладу так жаждал народ.

Чтоб отведать с тоски алкоголя
Шли на станцию мы Тюра-Там

Деньги были! Была у нас воля!
В «пассажирском» скупить ресторан.

В безразмерной общаге, кучкуясь,
Пили, пели и дрались порой.
Поутру, за похмелье волнуясь,
К тепловозу тащились толпой.

Коль ракета со старта умчалась,
А «Ключи» сообщили, – пришла!
Камарилья всех бед, разбегалась!
Только слышно повсюду – Уррра!!!

Владимир Максимович лет на 5-6 был старше меня, небольшого роста, светловолосый. Высокий лоб нависал над голубыми глазами, наполненными блестками юморного характера и оттенками грустных воспоминаний. Рассказывал он с добрыми интонациями благодарности тому времени и тем делам. Он первый из всех представителей промышленности решился перешагнуть барьер запрета вести разговоры о делах космических с кем-либо, и где-либо. Большинство людей имеющих накопленную информацию о всех сторонах жизни в космической области, либо уклонялись от разговоров, либо рассказывали в объемах газетных сообщений. Таково было жесткое правило. О работе, только на рабочем месте. Говорить только о том, за что отвечаешь и с тем человеком, который к этой работе допущен.

Много побывало представителей промышленности на «КВК», Б. Краснов, А. Торшин, Ю. Ганивцев, А. Колондадзе, но запомнился мне Синельщиков В.М. Он прошел большую школу и был хорошим учеником, а теперь вырос в учителя. Я с большим интересом прослушал рассказ, как он участвовал в разработке системы для регистрации фототелевизионных изображений обратной стороны Луны, полученных с АМС «Луна-3». Синельщиков особо подчеркнул, что на АМС «Луна-3» впервые был установлен приемник на полупроводниках.

«Командно-измерительный пункт (КИП) был развернут на горе Кошка, около города Симеиз. НИП-10 (Симферополь) только начинал строиться. Это было сделано для того, чтобы исключить промышленные радиопомехи и облегчить настройку, проверку и работу радиоканала при полете первых лунников «Луны-1/2» и «Луна-3». В этот раз основные работы были связаны с приемом сигнала фототелевизионного изображения обратной стороны Луны.

Так вот, не смотря на это, при настройке канала была обнаружена ощутимая помеха не известного происхождения. Избавиться от нее или определить источник ни как не получалось. Богуславский Е.Я. главный конструктор КИП, доложил С.П.Королеву. И тут Королев продемонстрировал могучую силу Главного конструктора космических систем. Королев договорился с командованием военной и начальством гражданской авиации выключить на Кавказе и в Крыму все радиолокационные средства в условленное время. В результате, на КИПе установили, что помеху создает созвездие Кассиопеи. Эту проблему умели решать». – поведал нам Владимир Максимович.

Я заметил, что рассказчику приятно удивлять нас, и вспоминать то время, трудностей и ярких успехов преодоления неожиданных трудностей. Все было впервые. Он видел наше неподдельное любопытство, и выдержав паузу, он начал снова рассказывать.

«04.10.1959 года «Луна-3» ушла со старта. Это был последний пуск АМС непосредственно к Луне. Следующие пуски выполнялись с промежуточной орбиты с использованием двигательной установки запускаемой на орбите и обеспечивающей

вторую космическую скорость АМС. НИИ-4 только приступил к сбору материалов для выполнения НИР по вопросам обеспечения телеметрических измерений в акватории Атлантического океана. Задача ее была фантастическая. АМС должен сфотографировать обратную сторону Луны и предать фотографию на Землю. А мы должны были принять это фото и показать землянам, что там, на затылке у нашей бледнолицей спутницы.

Представляете, каково было нам, если возникало чувство сомнения в работе своей аппаратуры. А причины для сомнений были. Фоторегистрацию визуально не проверишь. На электрохимическую бумагу качество регистрации низкое. Все надежды были на макет магнитофона, разрабатываемого в ленинградском СКБ. Магнитофон доставили на Кошку из Ленинграда, вместе с главным конструктором М.М. Аллан, вынув его из постели. Эту операцию за сутки организовал Королев, получив информацию о магнитофоне от Богуславского Е.Я. через Рязанского М.С. Королев, ради дела, умел мобилизовать все свои возможности и решить, казалось бы, на первый взгляд, не решаемую задачу.

Сеанс начинался утром 07.10. Накануне прилетел С.П.Королев, Б.Е. Черток и другие члены Совета главных конструкторов. Королев еще на аэродроме сразу поинтересовался, как обстоят дела с регистрацией. Технический руководитель А.М. Трахтман доложил, что новое устройство магнитной регистрации установлено, проверено. Результат хороший. Есть опасение, может не хватить магнитной ленты. Лента специальная. Имеет перфорацию, для обеспечения плавности протяжки. На НИП-10, у полковника Н.И. Бугаева такой пленки нет. Ее можно найти в Ленинграде».

Владимир Максимович сделал паузу, наслаждаясь нашим, можно сказать, гипнотическим состоянием от рассказа. Еще бы, мы слушаем не озвученные тайны исполнения великих свершений от очевидца. Насладившись эффектом своего рассказа, он продолжил:

«Королев, тут же, буквально, вскипел. Казалось, что виновный в несвоевременном докладе, «пойдет в Москву по шпалам» – самое суровое наказание. Но Королев и в этом случае четко определил направление главного удара. Он направился к стулу с телефонными аппаратами и попросил соединить с Москвой. Четкий пятиминутный разговор с московским абонентом и звучит команд:

— Пригласите полковника Бугаева!

Николай Иванович! Через 4 часа в аэропорту Симферополя приземлится ТУ-104. Королев посмотрел листок с записями, назвал номер рейса и фамилия летчика, и сказал:

— Получите у него контейнер с магнитной пленкой. Вас будет там ждать вертолет, он доставит сюда.

Я много слышал различных рассказов о своеобразной реакции Королева на те или иные поступки окружающих, и оценки его действий. Синельщиков сделал паузу. Понял, что мы увлечены его рассказом, и продолжил:

Могу сказать, мне нравилась его тщательно взвешенная жесткость, командирская четкость постановки задачи и продуманность принятых решений, вплоть до обеспечения исполнения. Я считаю, он достоин звания полководец. Так его называли соратники, прошедшие с ним путь от начала космической эры и до последнего дня его жизни. Он блестяще выиграл космическую гонку у американцев, не смотря на то, что в их команде был немец Вернер-фон-Браун, создатель ракетной промышленности и первой боевой ракеты».

Тут, я не выдержал и заговорил:

— Я начинал свою космическую службу на НИП-10 в сентябре 1965 года. НИП, к этому времени, полностью взял на себя лунные объекты, и мне повезло увидеть в работе там Королева, Чертока, Богуславского, Рязанского, Бугаева и

многих других легендарных представителей начала космической эры. Честно признаюсь, за время службы на НИП-10 об этих работах «Луна-1/2/3» разговоров я не слышал. Думаю, по причине очень жесткого режима секретности. Зато участвовал в работах «Луна-8/9/10/12/13», «Зонд-3», «Союз-1».

— «Да, и я вам, впервые, эти случаи рассказываю. Про режим ты прав. Видели и знали о многом, но ни когда свободно не обсуждали, - дополнил Синельщиков, - мы и сейчас помалкиваем о многом. Пока молчим о «Союзах -1 и 11», о «Зондах», о «ДОСах», под которые «АСК» вышел, про Л-1 и Л-3, про Н-1, а на орбите их нет».

Синельщиков посмотрел на нас, уловил полное согласие с ним, и добавил:

«И с «Венерами» и «Марсами» нет четкости в постановке задач на полет и, каковы результаты. Американцы «Скайлэб» запустили и по «забугорному радио» все рассказали, кто летит, когда, на какой срок и для чего».

Доживем мы до времен, когда откроют закрома и вывалят нам на суть и комментарии, утаенные от нас, – как бы успокаивая наше возбуждение, сказал Евгений Старчиов – начальник первого отдела (комплекс «Кретон»), давайте, Владимир Максимович, расскажите нам конец истории лунного фото на горе Кошка.

— «Почти сказочное название, Евгений Иванович, вы придумали! В той же интонации ответил Синельщиков, - Сказке скоро конец:

07.10.59. АМС входила в зону фотографирования на расстоянии от Луны около 70000 км. Напряженность в помещении КИП быстро пошло вверх. Руководители и командиры переходил в режим тотальной проверки правильности работы операторов, начались советы, замечания, предложения. Королеву это явно не понравилось, и он командным голосом сказал:

— Всем слушать сюда! Во время сеанса на пункте командует Евгений Яковлевич Богуславский. Все доклады только ему и команды дает только он! Ясно?....

Сразу стало тихо, и установилась строгая рабочая обстановка. Богуславский преобразился в руководителя, знающего, что и как делать и в какое время. Телеметрия показала, что режим фотографирования идет нормально. Всех волновал результат проявки, фиксирования и просушки фотопленки. Устройство, которое исполняло эти функции, все называли «банно-прачечный комбинат» (БПК). Это название звучало, как-то несуразно, но прижилось и активно употреблялось. Дешифровщикам телеметрической информации непрерывно задавались вопросы о работ БПК.

Ждали начало работы телевизионного канала. Баллистики сообщили, дальность до объекта 50000 км. Это значило, что начинает работать режим передачи телевизионной информации. На стойке регистрации изображения, на электрохимической бумаге и телевизионном экране монитора появились первые признаки фотоизображения. Круг Луны просматривался четко, а вот поверхность рассмотреть было трудно из-за наличия помех. И не смотря на то, что помехи портили картину, радость светилась на всех лицах. Евгений Яковлевич Богуславский подошел к стойке, оторвал ленту с изображением Луны в помехах и разорвал. Все замерли. Сергей Павлович Королев удивленно посмотрел на Богуславского и абсолютно спокойным голосом сказал:

— Евгений Яковлевич, ты же разорвал первый самый снимок! Наступила пауза...

Евгений Яковлевич осмотрел всех благодарным взглядом, счастливо улыбнулся. Его красивое интеллигентное лицо сияло светом долгожданной победы. Торжественным голосом он сказал:

— Первый снимок будет без помех!

Королев, усталый, но благодарный всем, сказал:

— Это будет прекрасно! Спасибо всем!

Вот так дорогие мои друзья начиналась космическая эра. Рассказывал я вам для того, чтобы вы оценили важность вашей работы измеренцев. Сколько народу было задействовано, сделать «Луну-3», запустить ее, создать наземный комплекс и получить этот снимок. В этой цепочке вы важнейшее звено. Если вы плохо работаете, то результат ни кто не узнает. А ваша работа в океане еще более ответственная. На материке наземные пункты расположены так, что в большинстве случаев, каждый НИП имеет на витке хотя бы один дублирующий НИП. У вас, пока, иметь дублера, на каждом витке, очень трудная задача».

Владимир Максимович, сделал паузу и предложил обучать экспедицию и экипаж к предстоящим работам, на основе принципов работы заложенных на заре космической эры. «Все, до мелочей должно быть проверено в каждом заведовании. Руководителю работ докладывать о всех изменениях или отклонениях в режимах работы аппаратуру. Доклады операторов во время работы должны быть четкими и краткими. Ни каких посторонних разговоров во время сеанса связи. И, самое важное, углублять знание техники до понятия физики происходящих процессов в функциональных блоках комплексов и систем. Учеба должна быть и систематической и непрерывной.

А работали все тогда столько, сколько требовало дело. Не забывайте, энтузиазм офицеров и солдат, рабочих, инженеров, конструкторов, ученых в нашем деле сыграл решающую роль в том, что мы в первом десятилетии космической эры, были первыми».

Владимир Максимович сделал паузу, улыбнулся, и сказал:

— Еще десятка два лет пройдет, и напишут много книг, снимут фильмы о том, как начиналась космическая эра, как нам удалось первыми проникнуть в космос и послать туда человека. Сколько будет неожиданного и интересного.

— А на Луну наши космонавты полетят или нет? – спросил Евгений Иванович Старчиков, очень внимательно слушавший Синельщикова.

— Это мы узнаем, если будет удачный пуск Н-1. Вы же в ноябре прошлого года в Гаване ожидали запуска. Н-1. Первая ступень почти полностью отработала 106 секунд. Ракетчики говорили, что это уже успех и следующий пуск будет нормальным.

Мы еще много говорили и о других сторонах нашей жизни. Распорядок дня призвал ко сну.